

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ К КУРСУ ЛЕКЦИЙ.

Берлин, 22 октября 1818 г.

Господа!

Выступая сегодня впервые с милостивого соизволения его королевского величества¹ в качестве преподавателя философии здешнего университета, я хотел бы, если мне это будет дозволено, выразить в данной вступительной лекции мое глубокое удовлетворение и искреннюю радость по поводу того, что я приступаю к более обширной академической деятельности именно в данный момент и именно здесь. Если говорить о времени, то сложившаяся ситуация позволяет надеяться на то, что для философии настал момент, когда она вновь сможет рассчитывать на проявление к ней внимания и любви, когда эта почти совсем умолкнувшая наука сможет вновь поднять свой голос. Ибо еще совсем недавно бедствия нашего времени, придававшие особую важность мелким интересам повседневной жизни, с одной стороны, высшие интересы действительности, интересы и борьба, направленные на восстановление и спасение прежде всего политического целого и жизни народа — с другой, в такой степени заполнили собой помыслы и силы всех сословий, требовали такого полного применения всех возможных средств, что внутренняя жизнь духа была лишена необходимого ей покоя. Мировой дух, столь занятый действительностью, насильственно направленный вовне, не мог обратиться внутрь самого себя, пребывать в своей родине и наслаждаться ею. После того как этому потоку действительных событий была поставлена преграда, и немецкий народ спас себя как нацию, сохранив основу всякой живой жизни, наступило время, когда в государстве наряду с реальными проблемами правления должно достигнуть своего расцвета и царство мысли. И вообще власть духа в наше время настолько утвердилась, что сохраниться могут теперь только идеи и то, что соответствует им, а все, что хочет быть значимым, должно обосновать это перед лицом

познания и мысли. Государство, которое теперь принимает меня в число своих граждан, обрело свое высокое положение в мире действительности, в политике, стало равным по силе и самостоятельности государствам, превосходящим его по своим внешним возможностям, прежде всего благодаря своему духовному превосходству над ними. Здесь образованность и расцвет наук — один из существенных моментов самой государственной жизни. Здешний университет, университет центра страны, должен стать центром, где обретет свое место и должное внимание философия в качестве сферы формирования духа, всех наук и истины.

И не только духовная жизнь вообще составляет основополагающий момент в существовании этого государства, но великая борьба народа в союзе со своим государем, борьба за самостоятельность, за уничтожение чужой бездушной тирании и за свободу брала свое высокое начало непосредственно в духе. Именно нравственная сила духа ощутила свою энергию, подняла свой стяг и заставила признать это ее чувство в качестве власти и силы мира действительности. Мы должны считать своим бесценным преимуществом то, что наше поколение жило и действовало, побуждаемое этим чувством, чувством, в котором концентрировалось все правое, моральное и религиозное. В подобной глубокой и всеохватывающей деятельности дух возвышается в себе до своего подлинного достоинства, пропадает пошлость жизни и пустота интересов, предстают в своем подлинном виде и исчезают поверхностные взгляды и мнения. Эта глубокая серьезность, проникнувшая в души людей, и есть подлинная основа философии. Философии противостоит, с одной стороны, погруженность духа в заботы и интересы повседневности, суетность мнений — с другой. В преисполненной такой суетности душе нет места для разума, который не ищет того, что соответствует лишь ее собственным интересам. Эта суетность должна рассеяться в своем ничтожестве, если человеку представляется необходимым субстанциальное содержание, если дело дошло до того, что только оно имеет значение. Мы видели это субстанциальное содержание нашего времени, видели, как возникали ростки, чье дальнейшее всестороннее развитие, политическое,

нравственное, религиозное и экономическое, доверено нашему времени.

Наше призвание и дело — способствовать развитию философского аспекта субстанциальной основы, которая обрела новые силы. Ее обновление, непосредственное воздействие и выражение которого обнаружилось в политической действительности, проявляется затем в росте нравственной и религиозной серьезности, в требовании добропорядочности и основательности вообще, предъявляемом всем сторонам жизни. Наиболее глубокая серьезность есть сама по себе серьезность, направленная на познание истины. Это требование, отличающее духовную природу от природы только ощущающей и потребляющей, именно потому и составляет глубочайшую сущность духа, оно само по себе есть всеобщая потребность. Эта потребность отчасти стала более глубокой вследствие серьезности нашего времени, однако она вообще свойственна немецкому духу. Что касается выдающегося положения немцев в области философских исследований, то само состояние этих исследований и значение их наименования у других народов свидетельствует о том, что наименование у них осталось, но значение его изменилось; предмет искажен и предан забвению, причем настолько, что о нем едва сохранилось воспоминание и отдаленное представление. Эта наука бежала к немцам и продолжала существовать только у них. Нам доверено сохранить это священное пламя, наше призвание и задача питать его, заботиться о том, чтобы то наивысшее, чем может обладать человек, — сознание своей сущности — не погасло и не исчезло.

Но и в самой Германии до ее возрождения настолько утвердилось плоское мышление, что предполагался доказанным тезис, согласно которому познание истины не существует; бог — сущность мира и духа — якобы не может быть понят, постигнут; дух не должен проникать в сферу религии, а религия должна удовлетвориться верой, чувством и интуицией и не стремиться к разумному знанию. Познанию якобы не доступна природа абсолютного, бога, и то, что в природе и духе истинно и абсолютно; предметом познания является либо только негативное, понимание того, что ничто истинное не может быть познано, — тем самым, с этой точки зрения, преимуществом

быть познанным пользуется только неистинное, временное и преходящее, — либо все то, что, собственно говоря, относится к этой чисто внешней сфере, а именно историческое, случайные обстоятельства, при которых состоялось это пресловутое мнимое познание; и само это познание следует воспринимать как нечто чисто историческое, критическое научное его исследование должно быть основано на этих внешних сторонах — к содержанию его нельзя относиться с серьезностью. Эти мыслители подобны Пилату, римскому проконсулу, который в ответ на слова Христа об *истине* задал вопрос: что есть истина? И вопрос этот в устах Пилата означал, что сам он уже закончил с этим и знает, что истина не может быть познана. Поэтому то, что испокон веку считалось самым позорным и недостойным, — отказ от познания истины — возвещается в наше время как высочайший триумф духа.

Разочарование в разуме сочеталось сначала с болью и тоской, однако вскоре религиозное и нравственное легкомыслие, а затем и пустое поверхностное знание, импугующее себя просвещением, без всяких обиняков признало свое бессилие и высокомерно сочло своей заслугой полное забвение высших стремлений. В завершение всего так называемая критическая философия² освободила сторонников этого незнания вечного и божественного от укоров совести, заявив, что ею доказана невозможность постичь вечное и божественное, постичь истину. Это мнимое познание именуется философией, и нет ничего, что более соответствовало бы поверхностности знания и характера, что было бы ему приятнее, чем подобное учение, которое способствовало тому, что это незнание, эта несерьезность и пустота выдавались за наилучшее, за цель и результат всех интеллектуальных стремлений.

Не знать истины и познавать лишь поверхностное, временное и случайное — только и ч т о ж н о е, — подобная ничтожность все больше распространялась в философии и продолжает распространяться и претендовать на приоритет в наши дни. Можно с полным основанием утверждать, что за время существования в Германии философии эта наука никогда не доходила до подобного состояния и подобная точка зрения, подобный отказ

от разумного познания никогда раньше не достигали такой степени и такого широкого распространения — точка зрения, которая является наследием предшествующего времени и столь противоречит зрелому чувству, новому субстанциальному духу. Я приветствую эту зарю чистого духа, взываю к нему; только к нему я обращаюсь, утверждая, что философия должна иметь содержание, и знакомя Вас с этим содержанием.

И вообще я взываю к духу молодости, ибо молодость — лучшая пора, когда жизнь еще не заключена в систему ограниченных целей, определенных нуждой, и способна свободно посвятить себя бескорыстному занятию наукой; она свободна также от негативного духа суетности, от бессодержательности чисто критического рвения. Здоровое сердце обладает еще достаточным мужеством, чтобы требовать истины; а царство истины и есть обитель философии, которую она создала и к которой мы становимся причастны, занимаясь философией. Все то, что в жизни истинно, величественно и божественно, становится таковым посредством и де и; цель философии — понять идею в ее истинном содержании и в ее всеобщности. Природа связана тем, что может осуществлять разум только силою необходимости; но царство духа — это царство свободы. Все, что связывает человеческую жизнь воедино, что имеет ценность и значимость, — духовно по своей природе; и это царство духа может существовать только посредством осознания истины и права, посредством постижения идей.

Смею желать и надеяться, что мне удастся завоевать и заслужить Ваше доверие на пути, на который мы вступаем. Однако в данный момент я могу претендовать лишь на то, чтобы Вы преисполнились доверием к науке, верой в разум, доверием и верой к самим себе. Мужественное приятие истины, вера в силу духа — первое условие занятий философией. Человек должен уважать самого себя и считать себя достойным наивысшего. Он не может превеличить в своих помыслах величие и мужество духа. Скрытая сущность вселенной не обладает достаточной силой, чтобы противостоять мужеству познания; вселенная должна открыться ему, позволить его взорам проникнуть в ее богатство и глубины, разрешить наслаждаться ими.